

24.09.93, 2.

«ЗАБЫТЫЙ» МАМИН-СИБИРЯК

Лит. Россия. — 1993. — 24 сент. (№ 34-35). — С. 16.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Две памятные даты: 140-летие со дня его рождения и 80-летие со дня смерти — остались в прошлом году почти незамеченными среди различных юбилеев и годовщин, широко и шумно отмечавшихся в нашей стране. Как ни горько это сознавать, в нынешних условиях, когда книжный рынок России наводнен «коммерческим» чтением, имени замечательного реалиста-новатора, автора пятнадцати крупных романов, множества повестей, рассказов, очерков, легенд, публицистических произведений, сказок для детей, почти не увидишь на книжных лотках и прилавках. А между тем очень многое из предвиденного некогда писателем, из того, о чем он с тревогой предупреждал своих современников, сбывается в наши дни, приобретая все более острую актуальность.

В истории русской и мировой литературы Мамин-Сибиряк справедливо считается первооткрывателем «уральской темы». Еще в 1913 году большой почитатель его таланта екатеринбургский журналист В. П. Чекин метко заметил: «До Мамина жизнь современного Урала и его недавнего прошлого рисовалась для десятков миллионов населяющих центр, юг, запад и север России чем-то далеким, чуждым, полусказочным. Суровую родину железа, золота и самоцветов большинство русских знали немногим лучше, чем Индокитай, Южную Америку, Центральную Африку».

И все же художественное открытие Урала — лишь одна из граней творчества писателя. Значение и проблематика его произведений далеко вышли за пределы «краевой» литературы и бытописательства. Мамин-Сибиряк — первый у нас художник слова, прямо, с поразительной объективностью и полнотой заговоривший об опасностях дикой капитализации России. На страницах маминских повестей и романов предстает целая галерея всевозможных дельцов-хищников посткрепостнического периода: золото-промышленников, банковских и торговых воротил, адвокатов, продажных чиновников, авантюристов с темным

прошлым. Раскрывается чудовищная картина всеобщей коррупции: казнокрадство, невероятное взяточничество, хитроумные чиновничьи аферы, безудержное и безрассудное мотовство.

Бизнесмены, как мы назвали бы их сегодня, тянутся жадными руками к национальным богатствам страны, интригуют, пресмыкаются, подличают, ожесточенно борются между собой за «теплые местечки». В романе «Приваловские миллионы», стремясь заполучить наследство Сергея Привалова — Шатровские заводы, — Александр Павлович Половодов хитро и незаметно подсовывает ему в любовницы свою собственную жену «От приваловских миллионов даже дыму не осталось...» — таков итог этой операции. Финал борьбы за господство двух приуральских водочных королей, Прохорова и Стабровского, в романе «Хлеб» — десятки перебившихся насмерть сусловских мужиков, ибо велось умышленное повальное славивание недавно еще трезвого края.

Сейчас многие авторы (в общем-то правильно, хотя не всегда искренне) оплакивают Россию, которую мы потеряли, но подчас им не хватает объективности. Они пишут, например, о русском бизнесе с его основанной «на православной вере, гуманизме и человеколюбии» моралью, где гарантом любой сделки служило купеческое слово-вексель, выше прибыли была честь и т. п. Все это так. Но ведь кроме честных купцов и благородных промышленников-меценатов, кроме Третьяковых, Морозовых и Мамонтовых, являлось немало и таких, кто хищнически уничтожал национальные ресурсы, беспощадно эксплуатировал население, обирал своих ближних. Мамин-Сибиряк ясно показывает, что по сравнению с дельцами-спрутами, этими новыми «общественными сливками» типа Половодова, Ляховского, Стабровского, Штоффа и других — деятели дореформенного капитала выглядят невинными ягнятами или беспомощными щенками. Все это, понятное и раскрытое великим русским писателем, повто-

ряется в нашу эпоху, когда общество стало громадным бесстыдным рынком, а главным человеком в стране — перекупщик. «Бывали хуже времена, но не было подлей», выражаясь словами Н. А. Некрасова.

Предмет особого разговора — изображение Маминым-Сибиряком русской интеллигенции. Интеллигенты в его романах все время выбирают. И перед ними всегда две дороги. Первая — служение мамоне, поклонение золотому тельцу. По ней пошли кабинетный ученый Блинов и управитель завода Вершинин («Горное гнездо»), адвокат Веревкин в «Приваловских миллионах», управляющий заводами Голиковский («Три конца») и многие другие. Они прекрасно вписались в систему, получая от нее всевозможные блага.

Вторая же дорога — сопротивление, и приходится констатировать, что маминский честный интеллигент не в силах сколько-нибудь эффективно противостоять миру зла и насилия. Он или погружается в беспробудное пьянство, как Прозоров («Горное гнездо»), или с головой уходит в какое-либо сугубо конкретное дело, ограниченное заводом, больницей, школой, газетой (Устенка Луковникова в романе «Хлеб», Агафон Попов в романе «Черты из жизни Пепко» и др.), или же в отрыве от реальной жизни занимается созданием каких-то умозрительных построений, неких «всееленских религий», пытаясь при помощи математических формул доказать смысл жизни («Поправка доктора Осокина»).

Эти образы отчетливо проецируются на нашу действительность, включая и типы интеллигентов, страдающих социальной демагогией, как, скажем, Авдей Никитич Тетюев в романе «Горное гнездо», «народный заступник» и «печальник». Он «много и долго говорил о процветании Ельниковского земства, о народном образовании, а особенно о том, что Кухарские заводы в стройном земском концерте являются страшным диссонансом, который необходимо перевести в гармонические комбинации». Но, получив от хозяев хороший куш, этот «земский деятель» с радостной готовностью занимает свой новый пост... юри-консульта заводской компании. Многие актуальные ассоциации рождает и деятельность продажного корреспондента Перекрестова, замаскированного агента немецких, французских и английских фирм...

Народ же... С одной стороны, народное мироощущение пронизывает все произведения Мамина-Сибиряка, что выражается, к примеру, в стиле и языке,

насыщенном притчами, пословицами, поговорками, местными диалектами. На страницах романов, рассказов и очерков предстают во множестве старатели, горнорабочие, земледельцы, лесники, охотники и другие люди из низов, ранее мало известные русской литературе. С другой стороны, народ, как правило, безмолвствует, поражая своей покорностью и наивной верой в мудрого и недоступного «барина». Печальная российская традиция!

Может быть, раздумывая над этими противоречиями и привели писателя к идее неразрывной взаимосвязи социальных, нравственных и экологических вопросов. Он вплотную приблизился здесь к пониманию того, что впоследствии было развито академиком В. И. Вернадским в учении о биосфере и ноосфере. Слитое с образом родины, суровое и величественное царство уральской природы, природная гармония, где каждое живое существо знает свой «предел» и «свое место», живя по естественному закону, — и бездумная, злая воля человека, обураваемого слепыми и темными страстями. Впечатляющая картина этого вечно-го противостояния дана в романе «Горное гнездо»: «Неудержимый поток света залил все небо, заставив спавшую землю встрепелиться малейшей фиброй, точно кругом завертелись мириады невидимых колес, валов и шестерней, заставлявших подниматься вверх ночной туман, сушивших росу на траве и передававших рядом таинственных процессов свое движение всему, что кругом зеленело, пищало и стрекотало в траве и разливалось в лесу тысячами музыкальных мелодий. Нужно было такому чуду свершаться исправно каждый день, чтобы люди смотрели на него, ковыряя пальцем в носу, как смотрел набоб и его приспешники, которым утро напоминало только о новой еде и новом питье».

После Д. Н. Мамина-Сибиряка осталось богатейшее художественное, публицистическое и этнографическое литературное наследство. Несмотря на признание и широкую известность среди читателей, книгоиздателей и литературных критиков, он так и не был до конца понят современниками. Значение и исторический смысл его творчества еще не оценены по достоинству и сегодня.

Юрий КЛИМАКОВ,
кандидат педагогических наук

Автор перечисляет гонорар в фонд поддержки «Литературной России».

Мамин-Сибиряк Д. Н.